

Виталий Бернштейн

Присяжный поверенный и министр

Виталий Бернштейн
Присяжный
поверенный и министр

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181630

Витадий Бернштейн

Присяжный

поверенный и министр

Вот послушай, сынок, давнюю историю. Она со мной приключилась, поэтому никаких измышлений – только то, что сам видел и слышал. Почти семьдесят лет прошло, а помню, будто вчера это было.

Значит, окончил я в шестнадцатом году гимназию, Первая мировая война тогда шла... И очень хотел поступить на медицинский факультет. Но для так называемых лиц иудейского вероисповедания существовала до революции «процентная норма». Внутри «черты оседлости», где жить им разрешалось, то есть в основном в губерниях на территории нынешних Польши, Украины, Белоруссии, «норма» помягче была. В тамошние университеты лиц иудейского вероисповедания разрешалось принимать не больше десяти процентов от общего числа слушателей. Напротив, в Петербурге и Москве норма составляла только три процента. А в нашей Одессе – пять. Но заметь: дискриминация основывалась именно на религиозной принадлежности. Если еврей крестился, все ограничения для его учебы и места проживания сразу отпадали... Не то, что при родной советской власти, когда даже наиболее пронирыливые евреи, не побрезговавшие

пролезть в партию, все равно четко понимали – они граждане второго сорта.

Что это такое – «пятипроцентная норма» для Одессы, где в начале века около половины населения были евреи? Ну-ка прикинь... Получается, что на каждое «иудейское» место в нашем Новороссийском университете, так он тогда назывался, в среднем приходилось в десять раз больше претендентов, чем на место, предназначенное для не иудея. И ведь это – еще без учета еврейских ребят со стороны, которые приезжали из разных украинских и белорусских местечек, чтобы тоже попытаться счастья в Одессе.

В отличие от «великой эпохи строительства коммунизма» взятки тогда при поступлении в высшее учебное заведение не давали и не брали. Да и денег на это у моих родителей, будь благословенна их память, не нашлось бы: заработки у твоего деда были скромные, а в семье как-никак росло пятеро детей. Словом, при поступлении в университет все зависело от знаний, полученных в гимназии. Что тут тебе сказать?... Занимался я вроде бы неплохо, но среди лучших учеников никогда не числился. Поведение у меня хромало, хулиганистый был, маму периодически вызывали в гимназию для объяснений. Да любил часами гонять мячик – футбол как раз входил в моду в России. Да в старших классах еще интерес к прекрасному полу пробудился. На учебу времени оставалось немного.

Короче, в Новороссийский университет я не прошел. Где

мне было тягаться с молодыми «зубрилами», все гимназические годы горбившимися над учебниками столь же самозабвенно, как их деды горбились над талмудом... Хотя потом встречал я немало подобных «зубрил», которые во взрослой жизни ничего стоящего так и не добились.

Провалившись при поступлении на медицинский факультет в Одессе, прослышал я от кого-то, что есть вакансии на этом факультете в Дерпте. Дерпт – так нынешнее Тарту называлось. Да вот беда: Прибалтика была вне пределов «черты оседлости». И значит, чтобы поступить в тот университет, мне требовалось разрешение Министерства народного просвещения. Можно было, конечно, послать прошение об этом по почте. Но письма долго ходили, про авиапочту тогда никто и не слыхал. Да и не было никакой уверенности, что ответ будет благоприятный. Вот и пришла тогда в мою семнадцатилетнюю голову внезапная идея – поехать и прошение подать лично. Надеялся: мол, если самому обивать пороги министерских кабинетов, вдруг да какой-нибудь чиновник снисхождение окажет.

Был конец июля... Нет, не в Петербург я поехал, запямятовал ты. Когда в четырнадцатом году война с немцами стряслась, власти срочно переименовали Петербург в Петроград – чтобы и духу немецкого в названии не осталось. А что до простых людей, то как прежде они столицу звали, так и продолжали звать – Питер.

Денег на дорогу просить дома не стал, лишних денег в се-

мье не было. К тому же, если бы папа – дед твой – узнал заранее о моем авантюрном плане, запретил бы он эту поездку. Вот и пошел я на поклон к бабушке, маминой маме, – в главных любимцах у бабушки числился. Она уже много лет вдовствовала. Чтобы прокормить себя, занималась знахарством, корешки какие-то собирала, листочки, сушила их, настои делала. Жила она возле «Привоза», многие торговки с базара навещали ее, лечили свои хвори, оставались довольны. Так что бабушка не бедствовала; иногда, в безденежные дни, бегала к ней мама, перехватывала несколько рублей.

Поведал я бабушке о своем намерении ехать в столицу, чтобы подать прошение. Попросил ссудить деньгами – хотя бы только на билет в вагоне третьего класса туда и обратно. Собрала она недовольно складки вокруг беззубого рта, помолчала. Но потом достала-таки из комода просимую сумму, протянула мне, погладила по голове.

От бабушки направился я напрямиком на вокзал – пока она не сообразила сообщить маме о моем плане. Купил билет. И уже через час в вагонном окошке дернулись и поплыли назад пыльные акации одесского вокзала. Помнишь замечательные строчки Блока про железную дорогу тех лет? «Вагоны шли привычной линией, подрагивали и скрипели; молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели». Желтого цвета были вагоны первого класса. Синие – второго. А я ехал в зеленом вагоне третьего класса, где плакали и пели простые русские люди. И пили тоже – пили самогон прямо из гор-

лышка, а для маскировки обертывали бутылку тряпочкой. Официально, ввиду войны, «сухой закон» существовал. Да только никто его не соблюдал. Ни наверху (начиная с самого батюшки-царя), ни внизу. Типично российское отношение к любому закону...

Съестного я с собой не взял, торопился скорее удрать – прежде, чем родители помешают. Сверх бабушкиных денег, оставшихся на обратный билет и запрятанных за подкладку гимназической куртки, была у меня в кармане еще пара мятых рублей. Негусто. Заглянул я на остановке в вокзальный буфет – копят керосиновые лампы, освещают буфетные яства на стойке. А мне даже на сушки потратиться – расточительство. Все-таки разменял я один из своих двух рублей, купил полфунта ситного хлебushка, налил в жестяную кружку, взятую у кондуктора, крутого кипятку, понес это добро к себе в вагон. А там соседи мои уже расстелили рушники, на них прихваченная из дома еда: вареные яички, салыце с чесночком, помидоры молоденькие, хлеб домашний. Глянули соседи на полфунта ситного и на кружку с пустым кипятком в моих руках, понимающе улыбнулись: «Сидайте с нами, молодой человек, откушайте, что Бог послал». Простые люди. Но отличала их общая черта – отзывчивость, сочувствие к чужой нужде. Ох, как поубавилось это благое качество в русском народе за кровавые десятилетия большевистской мясорубки...

Нет, я не через Москву ехал. В Житомире, кажется, одну

пересадку сделал, потом другую где-то в Белоруссии. Дней пять или шесть до Питера добирался... И все это время меня, худенького еврейского паренька, кто-то в вагонах подкармливал. И махоркой тоже делились. Ведь я, молодой дурачок, уже курил вовсю. Лежали на полках вокзальных буфетов коробки с папиросами «Ира», да только не по карману они мне были... Курильщик курильщику всегда посочувствует. Кто попржимистее, давал мне на одну закрутку – и на том спасибо. А у кого душа шире, мог и побольше из кيسета отсыпать. Права русская пословица: мир не без добрых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.